

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ В ЯПОНИИ В 1918 — 1924 гг.

Петр Эдуардович ПОДАЛКО, аспирант Осацкого государственного университета (Япония)

1. Российские дипломатические учреждения в Японии накануне революции

Появление на территории Японии постоянных дипломатических представительств Российской империи берет начало со статьи №6 Договора о торговле и границах между двумя странами, подписанного в Симодэ 26 января 1855 г. (7 февраля по новому стилю), известного также под названием «Симодский трактат». Согласно формулировке указанной статьи Договора российское правительство получало право назначать консульского агента во вновь открываемые для торговли порты Симодэ или Хакодате (по выбору). Новый Эдоский трактат, подписанный 7 августа 1858 г., развивая права российских граждан в Японии, предоставлял России возможность содержать при японском императорском дворе своего дипломатического представителя, а всем русским дипломатическим агентам совершать поездки по территории страны. При этом правительству России также позволялось иметь консулов или консульских агентов во всех или в некоторых открытых для российской торговли японских портах, количество которых существенно увеличилось: помимо Хакодате и Нагасаки к ним с июля 1859 г. планировалось добавить Канагаву, с 1 января 1862 г. — Эдо, а еще через год — Осаку и Хиого (Кобе), причем в Осаку и Эдо иностранцы допускались исключительно для осуществления ими торговых операций.

Первое российское консульство в Японии открылось на о-ве Хоккайдо, в г. Хакодате в 1861 г. (первый официально назначенный консул — И.А. Гошкевич). Спустя десять лет оно было преобразовано в генеральное консульство, а фактически все эти годы, вплоть до учреждения в 1874 г. российской миссии в Токио, консульство в Хакодате играло роль посольства. В течение длительного времени интересы Российской империи в Японии представляли дипломаты в ранге сначала поверенного в делах, а затем (с 1876 г.) — посланника; российская миссия в Токио была преобразована в посольство только в июне 1908 г., когда первым послом России был назначен гофмейстер императорского двора Н.Н. Малевский-Малевич. В этом назначении на столь ответственный пост не профессионального дипломата, а придворного в значительной мере проявилось «неравноправное» отношение к Японии как ближайшему географическому сосе-

ду и партнеру в Азии, характерное для всей внешнеполитической линии России на Дальнем Востоке вплоть до поражения ее в русско-японской войне.

К моменту февральской революции 1917 г. в России посольству Российской империи в Токио подчинялись на территории Японской империи и подвластных ей после русско-японской войны регионах Китая и Корейского полуострова 10 генеральных консульств в Иокогаме, Кобе, Нагасаки, Хакодате и др. Американский исследователь Дж. А.Ленсен на основании архивов японского МИДа и ряда российских источников определяет общую численность сотрудников приблизительно 30—35 чел., из которых половина служила в посольстве в Токио (16 чел.). Среди сотрудников посольства было немало выдающихся людей. Возглавлял посольство В.Н. Крупенский, назначенный на смену Н.Н. Малевскому-Малевичу в середине 1916 г.; ему помогали советник М.С. Щекин и первый секретарь Д.И. Абрикосов, принявший на себя в дальнейшем (после отъезда Крупенского из Японии в 1921 г.) функции посла.

2. Революции 1917 г. и положение российского посольства

Происшедшие в России политические события долго не влияли напрямую на регламент и порядок функционирования российского посольства в Японии. Безусловно, наблюдались определенные перемены. Февральская революция, последовавшая за ней политическая амнистия привели к резкому наплыву большого количества российских политэмигрантов, следовавших из Америки на Дальний Восток через Японию; в посольстве появились назначенцы Временного правительства и среди них — новый морской агент контр-адмирал Б.П. Дудоров. После октябрьского переворота в Петрограде в Японии стали появляться первые беженцы с запада, и поток их непрерывно ширился. Японская вооруженная интервенция в Сибири также поставила перед посольством много новых и сложных проблем, в частности, осуществление посреднического взаимодействия между военной администрацией и местными региональными сибирскими и дальневосточными правительствами и группировками. Содержание дипломатических учреждений России в Японии и Китае, полностью признаваемых правительствами этих стран, и спустя четыре года после отречения императора Николая II производилось «в пределах сметы 1917 года, дающей единственное законное к этому основание», без введения каких-либо новых штатов, как и без производства сокращений. Крупенский специально подчеркивал, что будет стремиться поддерживать такой существующий порядок до тех пор, пока это «не станет фактически невозможным». Основания для подобного оптимизма у него были: в первую очередь благодаря наличию в распоряжении военного и морского агентов посольства, а также коммерческого атташе значительных финансовых средств из сумм, отпущенных в свое время министерством финансов для закупки в Японии военного снаряжения и боеприпасов для русской армии в годы первой мировой войны. Сколь велики были эти средства, видно из сохранившихся материалов переписки руководства Совета послов в Париже с посольством в Токио; судя по имеющимся материалам, основная доля расходов на организацию сопротивления установлению советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918—1924 гг. шла из вышеназванных сумм, при этом постоянно осуществлялись различные денежные «дотации» российским организациям и отдельным лицам в Европе, Китае и Америке. Кроме указанного выше, посольство в Токио располагало еще одним источником средств — руководство Русско-Азиатского банка подтвердило свое согласие продолжить выплату доли денежной компенсации, причитающейся России в качестве возмещения убытков, понесенных во время восстания ихэтуаней в 1900—1901 гг.

Руководители зарубежных эмигрантских организаций, большинство из которых находилось в Берлине и Париже, хорошо понимали важность сохранения ими регулярных контактов с посольством в Токио: во-первых, оно оставалось одним из немногих дипломатических представительств Российской империи, продолжавших функционировать в прежнем режиме спустя годы после революции, имея при этом официальную поддержку со стороны правительства страны пребывания; во-вторых, пока продолжалась японская интервенция в Сибири (1918—1922) и еще некоторое время после возникновения СССР, Дальний Восток рассматривался вождями эмиграции в качестве одного из наиболее вероятных регионов для восстановления в России прежнего порядка. Кроме этого, в условиях обилия противоречивых сведений о положении в России, Китае и т.д., лидерам парижской эмиграции было крайне важно иметь в лице токийских коллег постоянный доверительный источник информации о событиях, происходящих на Востоке. Это, в частности, подтверждается просьбой М.Н. Гирса в письме к Д.И. Абрикосову, сменившему В.Н. Крупенского в руководстве посольством, от 6 мая 1922 г., где он пишет, что «...был бы весьма признателен Вам за периодическое сообщение поступающих к Вам сведений о положении дел в Восточной Сибири...»

3. Финансовая поддержка посольством лидеров Белого движения

Сосредоточение в руках сотрудников посольства в Токио весьма значительных денежных средств привело в итоге к тому, что российское посольство в Японии являлось одним из крупнейших «доноров» в деле организации борьбы с большевизмом в Сибири и Китае, периодически субсидируя при этом и некоторые операции эмигрантских организаций в Европе. Сохранились многочисленные свидетельства просьб, различных прошений и уведомлений на имя В.Н. Крупенского, а затем — Д.И. Абрикосова об ассигновании крупных денежных сумм, исчисляемых порой десятками тысяч иен. Основная часть выплат осуществлялась через коммерческого агента К.К. Миллера, а после его отъезда — через военного агента, генерал-майора М.П. Подтягина. Так, например, только в 1923 г. на оказание поддержки беженцам в Шанхае военным агентом было израсходовано в общей сложности около 60000 иен. Всего же, по собственному заявлению К.К. Миллера, на середину августа 1922 г. только его ведомство располагало средствами, исчисляемыми в несколько десятков миллионов золотых рублей (это без учета резервов военного агента), которые он готов был передать на нужды возрождения России, требуя получения официального подтверждения со стороны вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Одним из основных получателей денежных сумм из Токио являлось Особое совещание Российского Общества Красного Креста (Харбин), в лице своего председателя С.С. Аксакова, с которым токийское посольство вело по этому предмету регулярную переписку. Иногда, правда, запросы последнего были столь велики, что выходили за рамки возможностей посольства, о чем следовало уведомления в Харбин и Париж (так как Аксаков в случае задержки денег незамедлительно сообщал об этом руководству Финансового совета и Совета послов и лично финансовому атташе посольства в Париже С.А. Угету).

1 сентября 1923 г. Японию потрясло страшное землетрясение, заставившее посольство на несколько месяцев сосредоточить все внимание на единственной задаче — оказать максимально возможную помощь тем русским, кто уцелел и выжил, помочь им возможно скорее покинуть Японию.

4. Политика в отношении региональных сибирских правительств

Первые месяцы после октябрьского переворота 1917 г. и всю первую половину 1918 г. посольство в Токио занимало выжидательную позицию, не

предпринимая никаких самостоятельных действий и во всем стремясь следовать инструкциям и указаниям со стороны Совета послов в Париже, но по мере того как становилось очевидным, что рассчитывать на скорую победу Белого движения не придется, деятельность сотрудников посольства существенно активизировалась. В связи с появлением в Сибири ряда местных правительств был усилен сбор информации об их руководителях и программах. С этой целью В.Н. Крупенский командует первого секретаря посольства Абрикосова в Цуругу и Владивосток, где тот лично знакомится с премьер-министром одного из таких правительств П.В. Вологодским, пытаясь разобраться в происходящем непосредственно на месте. Встреча и беседа с премьер-министром и министром иностранных дел, которые откровенно признались Абрикосову в своей бессилии предпринять что-либо конкретное, произвела на него крайне удручающее впечатление.

В течение некоторого времени сотрудники посольства пытались поддержать Приамурское правительство С.Д. Меркулова, представители которого неоднократно посещали Японию с просьбой оказать им военную и материальную помощь. Однако усилия эти оказались безуспешными, ввиду очевидной нежизнеспособности этого правительства в глазах японского руководства.

Неоднократно в посольство обращались представители группы сибирских областников, которых возглавлял член партии эсеров Сазонов. Они требовали придания им статуса «сибирского правительства в изгнании» и претендовали на роль преемников омского правительства адмирала А.В. Колчака. Сибирским областникам удалось войти в контакт с небезызвестным казачьим атаманом Г.М. Семеновым, незадолго до этого провозгласившим себя Главнокомандующим всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины, и заключить с ним в Тяньцзине (Китай) соглашение о передаче всех имеющихся у него средств в виде денег, товаров, амуниции, продовольствия и оружия в распоряжение Совета уполномоченных организаций Автономной Сибири. На основании этого документа, который Д.И. Абрикосов называл «фантастическим», областники и претендовали на свою преемственность правительству Колчака.

Сам же Семенов по возвращении из США поселился в г. Нагасаки, с разрешения местной японской администрации он регулярно обращался в тамошнее российское консульство за удостоверением различного рода бумаг и документов, включая его переписку с Лигой Наций, в которых он по-прежнему именовал себя правителем Дальнего Востока и выражал претензии на часть денежных средств посольства.

Посольство стремилось по возможности дистанцировать себя от всех этих людей и их планов; понимая, однако, что контролировать циркулирующие всевозможные слухи он не в состоянии, Абрикосов, посылавший обо всем вышеназванном подробные отчеты в Совет послов в Париж, специально делал оговорку, что делает это «на случай, если до Парижа дойдут отголоски описанных выше дел, Вы были в курсе их истинной сущности».

5. Перемены, вызванные окончанием гражданской войны и изменением политики японского правительства

После завершения эвакуации войск из Сибири правительство Японии стало активнее искать пути сближения с советской Россией. Одним из первых шагов в этом направлении стало постепенное умаление роли и значения посольства в Токио как официального представительства России. Сначала русский посол был лишен звания дуайена дипломатического корпуса, которое он носил на протяжении нескольких лет; затем последовал ряд акций, ущемляющих права отдельных сотрудников посольства, и в довершение всего — судеб-

ные иски, затеянные японскими судами в середине 1922 г. против военного агента М.П. Подтягина по поводу якобы присвоения им части имевшихся у него казенных сумм. Не вдаваясь в подробности судебного дела, можно определить сложившуюся ситуацию как очередную попытку перераспределения собственности, что не было редкостью в среде русской эмиграции. На стороне областников и Семенова выступали японские адвокаты, которые, по некоторым данным, сами имели определенный интерес в данном деле, для чего и содержали указанную группу Сазонова в Токио за свой счет в специально арендованных для этого помещениях.

Положение ухудшилось тем, что о процессе писали во всех газетах, что весьма вредило имиджу российского посольства. Дело дошло до того, что Абрикосов был вынужден нанести специальный визит в министерство иностранных дел, где в беседе с заместителем министра он указал, что «если Японское Правительство считает, что за нами нет ни настоящего, ни будущего, то хотя бы во имя своего прошлого Посольство вправе рассчитывать на большее покровительство со стороны сказанного правительства». Далее Абрикосов подчеркнул, что даже в случае признания Японией советского правительства посольство рассчитывает на получение со стороны министерства иностранных дел необходимой защиты от возможных выступлений советских представителей. Со стороны министерства было обещано разобраться в вопросе и принять меры.

Как мы видим, посольство в лице поверенного в делах Д.И. Абрикосова, справедливо считавшего генерала М.П. Подтягина главным своим сотрудником и помощником, сразу же заняло позицию полной и безоговорочной поддержки своего военного агента, но, принимая во внимание складывающуюся неблагоприятную обстановку в связи с ожидающимся признанием Японией СССР и могущую возникнуть при этом угрозу как для самого Подтягина, так и для сберегаемых им денежных средств, было решено передать эти суммы и само дело в руки специально нанятой японской адвокатуры, способной защитить их в случае предъявления в будущем претензий с советской стороны.

По мере того как перспектива грядущего признания Японией советской России в качестве полноправного партнера в международных вопросах становилась все более очевидной, в посольстве росли опасения лишиться таким образом статуса официального и полномочного представителя России в Японии — единственного основания для продолжения его существования как самостоятельной структуры. Первые опасения подобного рода были высказаны еще послом В.Н. Крупенским, считавшим «невозможной и недоступной» частную ликвидацию дипломатических учреждений на Дальнем Востоке, что неминуемо должно было бы привести к «полному разложению в нашем представительстве в Японии, в котором и без того лишь с трудом удается поддерживать доселе дисциплину и порядок», о чем он писал М.Н. Гирсу уже в июне 1920 г.; но эти страхи особенно возросли в середине 1922 г. в связи с проведением Дайренской (26 августа 1921 г. — 16 апреля 1922 г.), а также Генуэзской (10 апреля — 19 мая 1922 г.) конференций. В связи с опубликованием в Японии проекта соглашения между Японией и Дальневосточной республикой на Дайренской конференции, где указывалось на необходимость взаимного обязательства недопущения «на своей территории лиц и организаций, преследующих цель разрушения существующего положения вещей на территории договаривающихся государств», заменивший к тому времени Крупенского Д.И. Абрикосов обратился в министерство иностранных дел Японии за разъяснениями, не имеется ли здесь в виду в том числе и старое Российское посольство. Ответ был получен по-восточному уклончивый: работники министерства отказались подтвердить текст соглашения, заверив при этом, что даже если бы

такое существовало, конечная прерогатива определения того, на какие лица и организации распространяется данная формулировка, всецело принадлежит японскому правительству.

Подобное объяснение едва ли могло успокоить кого бы то ни было, и в посольстве немедленно начинаются оживленные консультации с коллегами в других странах по проблемам, связанным с устройством казенного имущества и т.д. Предстояло решить немало вопросов по передаче зданий, учреждений и жилых построек, принадлежавших как собственно посольству, так и отдельно — военному и морскому агентам, другим структурам. При этом Абрикосову предлагалось в случае получения неопровержимых доказательств скорого признания Японией советской власти заранее эвакуировать частное имущество, секретную переписку, отчетность, архивы после 1917 г. и т.д., что и было сделано в январе-феврале 1925 г.

Особую тревогу в русском посольстве вызвало опубликование по случаю шестой годовщины Октябрьской революции в токийской газете «Токио Нити-Нити» интервью военного министра генерала Танака, данное им представителю советского телеграфного агентства РОСТА Вознесенскому, в котором министр, бывший с самого начала активным организатором и сторонником продолжения интервенции и борьбы с большевиками, высказывал свою крайнюю озабоченность вопросом скорейшего сближения двух стран, отдавал дань восхищения организаторскими способностями своего советского коллеги — военного министра Троцкого, и в завершение интервью, проводимом им от начала до конца на русском языке, специально подчеркнул: «Передайте вашим, что я друг России». Подобный поворот в позиции недавнего публичного противника большевизма, бывшего на тот момент одним из наиболее влиятельных японских политиков, рисовал чиновникам посольства самые мрачные перспективы, заставляя их торопиться.

6. Борьба посольства за определение статуса русских эмигрантов в Японии

Наряду с организацией борьбы против большевизма в Сибири и на Дальнем Востоке одной из важнейших задач, с которыми столкнулись русские дипломаты в Японии, была помощь в устройстве судеб и определении официального правового статуса российских беженцев, число которых все возрастало. Несмотря на сравнительно малое количество эмигрантов, оказавшихся в Японии, уже к началу 1920-х годов их здесь насчитывалось несколько сотен человек, осевших преимущественно в крупных городах, таких, как Токио, Иокогама и Кобе. Положение эмигрантов было крайне шатким, так как их статус не подпадал ни под один из существовавших на тот момент японских законов, а перспектива признания в недалеком будущем советской власти в России со стороны японского правительства делала вполне реальной возможность осуществления принудительной высылки эмигрантов на родину с последующими репрессиями в отношении их со стороны советских органов.

Перед отъездом из Японии последний официально назначенный российский посол В.Н. Крупенский передал японскому министерству иностранных дел памятную записку, содержащую ряд пунктов по поводу желательных мероприятий в отношении русских эмигрантов, подобно тому, как это было сделано в Европе, но, учитывая малочисленность эмиграции, надежды на то, что правительство Японии по своей инициативе согласилось бы на создание для этих эмигрантов какого-либо особого режима и т.п., были чрезвычайно слабы. В этой связи посольство возлагало основные ожидания на принятие неких общих решений по вопросу о статусе русских эмигрантов через Лигу

Наций. Слухи о поддержке, якобы оказываемой Лигой Наций, и надежды на ее получение циркулировали в эмигрантской среде уже давно. За день до разрушительного Токийского землетрясения, 31 августа 1923 г., Абрикосов в письме к Гирсу указывал, что «при складывающейся на Дальнем Востоке обстановке лишь участие Лиги наций в устройстве судьбы здешних беженцев и возможность отправить значительное число их в Канаду, где режим въезда иммигрантов был не так строг, как в США, могут предотвратить наступление катастрофического положения среди наших беженцев».

Опасения были высказаны не напрасно. Указанная проблема не была бы решена вовсе, не прояви Д.И. Абрикосов особую настойчивость в данном вопросе уже в самый канун подписания Договора о признании Японией СССР зимой 1925 г., в последние дни функционирования старого посольства. Не желая вступать в прямые контакты с прибывающими вскоре советскими представителями, Абрикосов предпочел передать здание посольства и все постройки местным японским властям. В ходе последних нескольких встреч с министром иностранных дел бароном К. Сидэхара он выговорил право русским эмигрантам оставаться в стране на положении «лиц без гражданства» при условии их полного отказа от любых видов политической деятельности, в том числе от пропаганды идей Белого движения. Требуемое обещание было дано, и, как отмечал впоследствии сам Абрикосов, «Япония стала не худшей мачехой русским беженцам», дав им в итоге приют и защиту.

7. Кантоское землетрясение 1923 г. и деятельность русского посольства по спасению беженцев

1 сентября 1923 г. Японию постигло страшное бедствие — разрушительное землетрясение на востоке страны, в районе Канто, практически полностью уничтожило ряд городов и поселков, включая столицу Токио и крупнейший порт Японии Иокогама, унеся при этом жизни более 100 тыс. чел. (всего погибших, раненых и пропавших без вести насчитывалось около 130000 чел., 570000 семей остались без жилья, общий ущерб составил порядка 6500 млн. иен в ценах 1923 г., что равнялось 10—11% общего благосостояния тогдашней Японии).

Шок, вызванный колоссальными размерами этого постигшего Японию стихийного бедствия, был так велик, что первое время газеты всего мира пестрели удручающими сводками, точно состязаясь друг с другом в стремлении преувеличить размеры катастрофы. Говорилось «об исчезновении с лица земли не только городов, но целых территорий ... о гибели всего золотого запаса, флота и т.д.». Делались даже прогнозы относительно того, что отныне «Япония на долгий срок будет низведена в ряды второклассной или даже третьеклассной державы». Действительно, людские потери были огромны, несравнимы ни с чем подобным в современной мировой истории. Страна как будто пережила небольшую войну, сопровождаемую бомбардировкой всего столичного округа. Но в январе 1924 г. газета «Осака Майнити» писала, что спустя 100 дней после великой катастрофы Токио «обнаруживает уже признаки возрождения во всех областях», что внушает большую бодрость. «Пройдет несколько лет, прежде, чем новый Токио возникнет из развалин», но и сейчас уже город дышит возрождающейся деятельностью».

Сохранилось не так много свидетельств очевидцев этого ужасного бедствия, и среди них особый интерес представляют донесения русского посольства, регулярно отправлявшиеся из Токио в Париж, где дается подробная картина происходившего в те бурные дни. Сам поверенный в делах Абрикосов в момент землетрясения находился в горной местности Никко (префектура

Тотиги), куда его пригласил провести выходные дни военный атташе генерал-майор М.П. Подтягин. В субботу, 1 сентября, Абрикосов и Подтягин, гуляя между знаменитыми храмами Никко, ощутили несколько сильных подземных толчков, но не придали этому особенного значения. На следующий день они узнали, что накануне, примерно в полдень, три подземных толчка необычайной силы превратили в груды развалин две трети японской столицы. Выехав из Никко первым поездом, специально заказанным Министерством двора (в Никко в те дни отдыхал японский император Иосихито), Абрикосов прибыл в Токио вечером того же дня, затратив на дорогу около десяти часов вместо обычных трех. По пути он видел множество разрушенных домов, а в одном месте пассажирам пришлось перебираться через реку по висящим в воздухе рельсам от рухнувшего в воду железнодорожного моста.

Город продолжал гореть, когда поезд прибыл на станцию, откуда уже можно было двигаться далее пешком. На удивление, здание российского посольства, находившееся неподалеку от парламента Японии, рядом с парком Хибия, устояло и почти не пострадало (направление ветра убергло здание от распространяющихся пожаров, в то время как другим кварталам повезло меньше, и некоторые выгорели дотла). Так, полностью сгорели американское и французское посольства, а итальянское и английское стали полностью непригодны к проживанию. На территории посольства уже собралась толпа русских эмигрантов, искавших убежища, среди которых были также архиепископ Японский Сергей и епископ Владивостокский Михаил.

На территории посольства был организован пункт по приему и размещению беженцев, на лужайке перед зданием было разбито некое подобие «временного лагеря», пока не прекратятся подземные толчки (любопытно, что японские слуги при посольстве и здесь стремились соблюсти официальный порядок, отводя каждому лицу место в соответствии с занимаемым статусом). Учитывая сложившуюся обстановку, а также введение в Токио военного положения, оставлять на территории посольства, лишенного к тому же внешней ограды, большое скопление людей было небезопасно, и Абрикосов в качестве официального представителя обратился за помощью в городское управление, занимавшееся временным размещением и обеспечением питанием населения. В его отчете Совету послов в Париж специально отмечается, что местные власти, как и иностранные представители, относились ко всем запросам из посольства исключительно доброжелательно, а посольская прислуга из числа японцев даже получала специальные продуктовые пайки из японского МИДа. Российское посольство в первые же дни выразило глубокое соболезнование правительству Японии, благодаря его за оказание помощи русским эмигрантам, лишенным в отличие от прочих иностранцев какой-либо поддержки с родины, как и возможности отправиться в Россию.

Как только восстановилось железнодорожное сообщение, группа сотрудников посольства, сопровождаемых епископом, посетила Иокогаму, где на момент землетрясения проживала большая русская колония, и там была отслужена панихида по погибшим соотечественникам. Русское консульство в Иокогаме рухнуло при первом же толчке, как и находившееся неподалеку консульство США. При этом сам российский консул А.К. Вильм чудом уцелел среди развалин, получив лишь легкое ранение. Его коллегам из других стран повезло меньше — погибли американский и французский консулы, а всего в первые дни жертв среди иностранцев насчитывалось около 150 чел., из них 15 русских (впоследствии по уточненным данным эта цифра возросла еще на 60 чел.).

Сразу же после получения известий о происшедшей катастрофе силами иностранной колонии в Кобе был создан Комитет по оказанию помощи постра-

давшим от землетрясения, при котором был образован специальный «Подкомитет по оказанию помощи русским беженцам». В течение трех недель были созданы условия для временного проживания почти 400 чел. В дополнение к 30000 иен, выделенным из резервов посольства и отдельно — военного агента на немедленную помощь пострадавшим Комитет иностранной колонии ассигновал сначала 10000 иен, затем еще 20000 иен, расходование которых контролировалось названным выше «Подкомитетом». Японские благотворительные организации добавили к этой сумме еще 20000 иен для покрытия расходов по эвакуации русских беженцев с территории Японии. Со стороны самого посольства в Кобе, где на тот момент отсутствовал русский консул, был командирован секретарь консульства в Иокогаме П.П. Боровский с поручением выяснить сложившееся там положение дел, чтобы выработать план по оказанию помощи «в согласии с желаниями отдельных пострадавших».

Для эмигрантов землетрясение стало своеобразным толчком к «продолжению бегства» в Америку, Австралию и другие страны, а неизбежные в этой ситуации материальные затруднения были сняты благодаря получению разнообразной и обширной международной помощи, оказанной Японией правительствами разных стран, и в первую очередь — США. Американское посольство арендовало для этих целей «Империал Отель» в центре Токио, ставший чем-то вроде штаба по сбору информации и размещению беженцев, где можно было всегда навести справки по поводу пропавших отдельных лиц; здесь же устраивались обеды для иностранных граждан, оплаченные посольством. Были также специально арендованы океанские суда для вывоза иностранных граждан и в их числе — русских эмигрантов. На какое-то время был ослаблен режим выдачи въездных виз, параллельно ему продолжался сбор средств в пользу тех, кто не имел возможности приобрести билеты.

Министерство иностранных дел Японии с первых же дней приступило к выдаче свидетельств на выезд эмигрантов из Токио, преимущественно — в Кобе, хотя при этом японские чиновники не скрывали, что наиболее желательным для них был бы окончательный отъезд русских беженцев из страны. Перевозки до Кобе и других мест на территории Японии сушей и морем осуществлялись японскими властями бесплатно, с выдачей небольших сумм из правительственных резервов.

Около 50 чел. русских из Иокогамы оказались на французском пароходе «Андрэ Лебон» и выразили желание плыть во Францию. Посольство прилагало всяческие усилия к отправке их до Марселя, но получило в итоге ответ, что «о приходе в Кобе обязанности парохода в отношении дачи (так!) убежища спасающимся от землетрясения оканчиваются, и пароход превращается в коммерческое предприятие, могущее перевозить людей лишь в качестве пассажиров». Поскольку среди русских оказалось несколько семей (Толстые-Милославские, Фитингоф, Шелковниковы и др.), уже давно собиравшихся уезжать в Европу, французский посол г-н Клодель обещал запросить правительство Франции о возможности льготного получения ими виз и проезда на французских пароходах по получении через русское посольство точных списков отъезжающих. Впоследствии часть эмигрантов сумела таким образом перебраться во Францию.

Справедливо полагая, что насильственная эвакуация беженцев в Шанхай или Харбин сведется для русских «к переходу из одного безвыходного положения в другое», Абрикосов добивался для них права эмигрировать в Америку, куда большинство стремилось уехать, обойдя при этом ввиду чрезвычайности положения существующие для иностранцев квоты на въезд в США. Он специально запрашивал по этому вопросу американское посольство, а так-

же консульство в Кобе, ведавшее вопросами эвакуации. Такой же запрос был послан и в МИД Японии в надежде, что правительство, заинтересованное в скорейшем выезде иностранцев, окажет поддержку. Результатом этих усилий стала отправка из Японии более чем 250 русских беженцев, из которых основная масса направлялась в США и Мексику; около 30 чел. выехали в различные страны Европы. Одновременно делались попытки уговорить часть эмигрантов вернуться в Россию, но по данным посольства (со ссылкой на отчет иностранного Комитета в Кобе), только один беженец пожелал вернуться во Владивосток. В целом большинство русских эмигрантов, переживших землетрясение, так или иначе предприняли попытки уехать из Японии. Можно сказать, что им, чудом уцелевшим и потерявшим имущество во время катастрофы, дважды повезло: прошло каких-нибудь полгода, и правила въезда в США, куда по-прежнему стремилось большинство эмигрантов, были очередной раз изменены, и согласно новым инструкциям из Вашингтона, полученным в Токио 16 июля 1924 г., отныне каждый желающий попасть в Америку иностранец, где бы он ни находился, должен был обращаться в специальный контрольный орган в том государстве, гражданином которого он являлся. В отношении русских права такого контрольного органа были приданы американскому консульству в ... Риге (Латвия), что для большинства русских эмигрантов, оказавшихся в тот момент в Японии, Китае и других районах Дальнего Востока и стремящихся попасть в Америку, было равносильно запрещению для них вообще въезда в эту страну. С горькой иронией писал Абрикосов в Нью-Йорк русскому финансовому аташе С.А. Угету: «Как бы в теории и не понятно желание установить контроль за визами... не говоря о том, что у большинства таких русских едва хватает средств на оплату билета, что лишает их всякой возможности ожидать в течение 4—5 месяцев решения своей судьбы, трудно предполагать, что Американский Консул в Риге был бы в состоянии уделить что-либо из 189 виз в месяц для русских, сидящих в Харбине, Шанхае или японских портах и ему совершенно неизвестных». В этом же письме он настоятельно просит Угету, имевшего тесные связи с Американским Красным Крестом и в вашингтонских «верхах», навести справки, нельзя ли добиться облегчения порядка получения виз для русских, едущих в США с Дальнего Востока.

Землетрясение нанесло огромный ущерб русской православной колонии в Токио и Иокогаме. Большой Токийский собор — знаменитый «Николай-до» — был почти совсем разрушен: обвалились купол, колокольня, часть стен, уцелели лишь главные стены, при этом сгорели почти все мелкие постройки. Архиепископ Японский Сергей и епископ Владивостокский Михаил, проживавшие на территории духовной миссии, первоначально нашли убежище в российском посольстве, потом их устроили у себя японские христиане. Для того чтобы отстроить собор заново, начался сбор пожертвований среди эмигрантов. Разумеется, малочисленность и сравнительное преобладание малоимущих лиц среди беженцев в собственно Японии не позволяло набрать нужную сумму, что побудило архиепископа Токийского Сергея (Тихомирова) несколько раз выезжать в Китай для проведения там сбора средств среди местного русского населения. В итоге уже к концу 1927 г. было собрано около 100000 иен — сумма, позволившая начать строительство.

Для поднятия духа русского населения в Японии с 1924 г. стали проводиться регулярные гастроли артистов русских театров из Харбина и Шанхая, а также выступления Итальянской оперы с участием русских певцов. Эти визиты всегда были большим событием для русской колонии.

8. Последний год старого посольства

Новый 1924 г. начался для работников посольства с весьма невеселых арифметических подсчетов. Средства таяли: как ни велики были денежные запасы на счетах военной и морской агентуры, их перестало хватать на всевозможные выплаты пособий и поддержек, направляемых чуть ли не во все части света. Уменьшение средств на счетах посольства и военного агента привело к тому, что пришлось урезать также ассигнования на помощь беженцам в Шанхае, куда до сих пор отправлялся основной объем выделяемой помощи. Основными получателями здесь выступали Шанхайское Русское благотворительное общество под председательством Э.П. Гроссе и Союз служащих в армии и флоте под председательством генерала Р.Ф. Вальтера. В донесении Абрикосова в Париж от 24 января специально отмечается, что положение беженцев в Шанхае будет в дальнейшем лишь ухудшаться, ибо посольских средств на обеспечение всех нуждающихся не хватит, а благотворительность среди иностранной колонии также начинает иссякать. Посольство лишилось еще одного важного источника получения зарубежной помощи: в Америке был распущен Комитет, возглавляемый княгиней Е. Кантакузен-Сперанской, урожденной Грант (будучи замужем за русским гвардейским офицером, она одновременно являлась внучкой президента США, героя Гражданской войны Севера и Юга, генерала У. Гранта), представителем которого на Дальнем Востоке являлся военный агент в Токио адмирал Б.П. Дуров. Комитет был распущен по обвинению в «пристрастности», т.е. в оказании им помощи только «белым» русским, а не «русскому народу». Также посольство было уведомлено из Нью-Йорка финансовым агентом С.А. Угетом о невозможности рассчитывать на распространение деятельности благотворительной Гуверовской организации на беженцев на Дальнем Востоке.

Другую проблему представляли остатки воинских частей генералов Глебова и Лебедева, являвшие последние белые войска, покинувшие Владивосток перед его занятием красными частями в конце 1922 г. Поскольку японскими властями были приняты различные меры, чтобы недопустить появления столь большого числа русских в собственно Японии, последним ничего не оставалось, как пробираться либо в отдельные города Китая, либо оставаться в Корее, где им также чинили всевозможные препятствия. В порту Гензан, таким образом, скопилось около 7000 человек на 22 судах, часть которых составляла группу адмирала Старка, а часть была зафрахтована во Владивостоке из судов Добровольного флота. Вскоре последовал запрет китайского правительства пускать русских беженцев с территории Кореи во внутренние районы Китая, что вызвало немедленную реакцию японских властей, запретивших спуск беженцев на берег и оказание им какой-либо помощи. Мотивировалось это тем, что «свое время они предупреждали... белые организации, что их попытки противостоять красным закончатся катастрофой, что беженцев, явившихся в результате этой катастрофы, они к себе не звали, что большинству из них во Владивостоке никакой опасности не угрожало и что им ничего не остается как вернуться туда обратно». Понимая, что основной причиной такой позиции является нежелание осложнять отношения с советской властью на Дальнем Востоке, посольство в лице Д.И. Абрикосова употребило все силы и все имеющееся влияние, чтобы добиться поворота в позиции японского правительства.

По инициативе генерального консульства России в Сеуле был образован международный комитет, который начал сбор средств среди иностранных благотворительных организаций, при этом существенная моральная поддержка в смысле давления на местные японские власти была оказана русскому посольству и лично Абрикосову (в его усилиях по перелому общественного мнения)

со стороны послов Англии, Франции и США. Постепенно японские власти начали склоняться к компромиссному решению, суть которого состояла в том, что какое-то время им придется терпеть присутствие русских на корейской территории. Что же касается оказания им международной помощи, то сотрудники посольства потратили немало времени и сил на разъяснение военному командованию в Гензане и лично генералу Лебедеву, что помощь беженцам может быть оказана только в случае прекращения постоянного подчеркивания ими своей воинской атрибутики, наименования себя исключительно «военной организацией» и т.п. Кроме того, посольство регулярно получало сведения о проявлениях открытой вражды между представителями сухопутных и морских частей с регулярным взаимным вмешательством в дела друг друга. Как меланхолично замечает Абрикосов, все эти выступления были всего лишь «последними проявлениями губившей антибольшевистское дело в Сибири борьбы за власть разных политических интриганов и отдельных генералов, главным образом из тех, кои достигли этого звания уже в период деятельности различных Сибирских правительственных организаций. Часть группы генерала Лебедева в итоге пробралась в Шанхай, увеличив и без того переполненные беженские центры, а остальные вернулись в Россию. Другая часть военных (912 чел.), под командованием генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова, добравшись с эскадрой до Шанхая и не имея возможности сойти на берег, оставалась проживать на судах до 1924 г. В ответ на запрос генерала Глебова о предоставлении ему денежной помощи военным агентом М.П. Подтягиным было заявлено, что он может рассчитывать лишь на помощь через местные благотворительные организации и на общих со всеми основаниях, что по сути являлось недвусмысленным отказом.

Группа адмирала Ю.К. Старка, который сумел с 11 судами добраться до Манилы, имея около 800 чел. на борту, была одной из немногих, кто внял призывам посольства и получив со стороны последнего некоторую материальную поддержку, покинула японскую территорию, планируя высадить в Шанхае кадетские корпуса и идти далее на юг, с тем чтобы при этом «не застревать в японских и тем более китайских портах». Этому решению во многом способствовали разъяснения, полученные Старком от морского агента Б.П. Дудорова, да и сама обстановка не позволяла медлить — японское правительство объявило посольству в Токио, что с 1 апреля 1923 г. оно прекращает финансирование помощи беженцам в Корею. На Филиппинах их ждал маленький «сюрприз»: после ряда переговоров американская администрация из Вашингтона известила губернатора Филиппин, что суда рассматриваются как находящиеся на ответственности и сохранении у Старка до признания Российского правительства, тем самым предупредив возможность передачи их советской стороне. Спустя некоторое время, «старковцы» небольшими группами начали перебираться с Филиппин в Австралию, Канаду и США.

После заключения в 1924 г. в Пекине китайско-советского соглашения об управлении КВЖД на паритетных началах среди русских беженцев поднялась новая волна страха по поводу возможности проведения в будущем насильственной репатриации их в СССР. Некоторые основания для этого у них были, так как в ряде мест произошли акты выдачи китайскими чиновниками белых эмигрантов советским представителям. Это вызвало стремление эмигрантов, намеревавшихся уехать в США и Канаду, поторопиться с отъездом. Изменение правил въезда в США, о чем говорилось выше, привело к тому, что на момент открытия новой квоты 1 июля 1924 г. в японских портах скопилось немало русских, бывших не в состоянии выехать в Америку за отсутствием подтверждения на их въезд из рижского консульства США. Таким образом, даже при наличии некоторых средств на покупку билетов эти люди вынуждены

проживать свои деньги в ожидании положительного решения вопроса. Посольство стремилось ускорить их выезд, опасаясь грядущего завершения японо-советских переговоров и признания Японией советского правительства, что означало бы конец деятельности посольства в Токио и весьма затруднило бы положение эмигрантов. Предпринимаемые при этом усилия выражались, главным образом, в перечислении денег из еще оставшихся средств военного агента, а также в переговорах с представителями американских и канадских властей.

В сложившейся ситуации эмигранты были готовы поверить любому благоприятному слуху: в частности, опубликованное в японской печати интервью великого князя Николая Николаевича, данное им агентству Ассошиэйтед Пресс под заголовком «Русские беженцы верят в скорое падение большевиков», вызвало общее сочувствие беженцев на Дальнем Востоке, видевших в этом интервью подкрепление своих надежд, хотя, по мнению сотрудников посольства, окружающая действительность на тот момент делала «все труднее и труднее всякую работу по осуществлению этих надежд на практике».

9. Установление дипломатических отношений между Японией и СССР и закрытие старого посольства

Одним из неожиданных политических последствий Кантоского землетрясения можно считать вызванную им отсрочку дипломатического признания Японией советской России. Хотя формально все было готово для проведения необходимых процедур уже летом 1923 г., внезапная катастрофа и объем мер по ликвидации ее последствий отодвинули на второй план стремление к дальнейшему развитию итогов Дайренской и Чанчуньской конференций, продлив таким образом еще на два года существование старого Российского посольства. Япония даже выразила отказ от помощи после землетрясения, которую, подобно другим странам, предлагало оказать советское правительство (не исключено, что виной тому была чрезмерная классовая идеологизация этого акта, как знак «помощи пострадавшему японскому пролетариату от российского пролетариата»). Японские власти не допустили высадку советских представителей, вызвав тем самым волну протестов во Владивостоке. В своих доносениях в Париж Абрикосов называл причины того, почему японское правительство, несмотря на сохранение ряда противоречий между Японией и советской Россией, все-таки предпочло переменить свою политику и начать поиски путей сближения сначала с Дальневосточной республикой, а потом и с СССР. В качестве основного проводника «новой политики» японского министерства иностранных дел Абрикосов называет начальника Отдела европейской и Американской политики Т. Мацудайра, в прошлом уполномоченного японского правительства во Владивостоке, возглавлявшего японскую делегацию на Дайренской конференции (1921—1922 гг.) и имевшего в японском МИДе репутацию «знатока русских дел». Мацудайра убеждал Абрикосова, что вступление в контакты с большевизмом не означает изменения «принципиального отрицательного отношения японского правительства к коммунистам», но, признавая невозможность открытой борьбы с ними и веря в действительность эволюции русского большевизма, правительство тем самым ускоряет эту эволюцию. Кроме того, после принятия окончательного решения о выводе войск из Сибири правительство Японии обязано было для охраны прав и имущества своих подданных вступить в соглашение с тем из местных правительств, которое внушало ему наибольшее доверие. С точки зрения перспективы своего существования, таким правительством было руководство Дальневосточной республики в Чите, за которым стояло советское правительство. При этом Мацудайра оговаривался, что это не означает признания советского правительства «помимо Евро-

пы», т.е. в случае непризнания его европейскими державами. Попытки Абрикосова указать японской стороне на невозможность соблюсти на практике все эти теоретические выкладки, которые неминуемо «разобьются при столкновении с реальной обстановкой», успеха не имели, и убедившись таким образом в непреклонности японского правительства в данном вопросе, он ускорил отправку из Японии еще остававшихся сотрудников посольства, продолжая при этом следить за развитием событий.

Большую роль в ускорении дипломатического сближения играли японские промышленники, связанные с Приморьем деловыми интересами, и среди них — «Союз японских рыбопромышленников в русских водах», представители которого, не дожидаясь принятия правительственных решений, предпринимали попытки отправки во Владивосток своей делегации в рамках так называемой «народной дипломатии». Абрикосов в своих донесениях обвинял японскую прессу, готовую на поддержку любой пропагандистской идеи, будь она хоть сколько-нибудь «радикальной». При этом он гневно критиковал современное ему японское общество в целом за его «плохо переваренный «демократизм», который, по его мнению, «настолько изменил весь характер здешней общественной и политической жизни, что японцы незаметно для себя самих быстро теряют те качества, которые создали современную Японию».

В конце 1922 г. в Москву в качестве частного лица приезжал японский посланник в Польше Т. Каваками, который по возвращении в Токио всячески подчеркивал возможность для Японии договориться с большевистским правительством. Нежелание японского МИДа официально сделать первый шаг к началу межгосударственных переговоров привело к тому, что эта функция оказалась де-факто передоверена частному лицу, занимавшему, однако, высокие позиции в японском государственном истеблишменте, — мэру Токио, председателю Русско-Японского общества С. Гото. В телеграмме, подписанной Гото, полномочный представитель советского правительства в Китае, участник переговоров в Брест-Литовске и на Чанчуньской конференции А.А. Иоффе был приглашен в Японию «для лечения, могущего прояснить существующее непонимание между нашими странами». Сама по себе формулировка приглашения не оставляла сомнений в истинных целях предлагаемого визита в конце января 1923 г. Приезд в Японию А. Иоффе происходил на условиях частного посещения, о чем министр иностранных дел делал специальное разъяснение в парламенте. В Японии Иоффе пробыл около полугода; его неофициальные встречи с С. Гото сменились в июне 1923 г. полуофициальными переговорами, во время которых японскую сторону представлял бывший посланник Японии в Польше Т.Каваками. При этом, в случае появления надежды на успех на второй стадии переговоров, ожидался созыв специальной японо-советской конференции для выработки и заключения двустороннего соглашения.

Японские власти недвусмысленно давали понять сотрудникам посольства, что отныне в их глазах Россия отождествляется с правительством в Москве, и все попытки Абрикосова протестовать привели к тому, что работники министерства иностранных дел, сохраняя внешнюю корректность, стремились по возможности уклоняться от контактов и встреч с представителями посольства. Надежды на то, что какие-нибудь левые пропагандистские акции или неуступчивость со стороны большевистских представителей вызовут очередной срыв переговоров (как это имело место в Дайрене и Чанчуне), в целом не оправдались.

В начале 1924 г. японский посланник в Пекине К. Иосидзава встретился с советским представителем Л. Караханом, возобновив таким образом дву-

сторонние переговоры, закончившиеся разработкой конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японской империей, подписанной 25 февраля 1925 г.

Не исключено, что советская сторона рассматривала возможность китайского посредничества в вопросе нормализации отношений с Японией. Это отчасти подтверждает тот факт, что, когда в Японию из Китая прибыла делегация для изучения обстоятельств китайских и корейских погромов, имевших место в первые дни после землетрясения, эту делегацию возглавлял чиновник, представлявший китайское правительство во время переговоров с СССР.

К осени 1924 г. всем было ясно, что вопрос о взаимоотношениях между СССР и Японией, а вместе с ним и судьба старого Российского посольства в Токио и его деятельности должны разрешиться. Д.И. Абрикосов, по-прежнему исполняющий обязанности посла, был вызван в японский МИД, где его официально уведомили о готовящемся признании советского правительства и попросили подготовить дела к сдаче. Абрикосов, по-прежнему твердо стоявший на позиции непризнания легитимности советской власти, попросил разрешения передать официально здание и собственность посольства японским властям и провел оставшееся время за приведением в порядок архива и ликвидации всего того, что (по его мнению) не должно было попасть в руки большевиков. Всем российским консулам было велено также передать консульское имущество местным японским властям, не вступая в контакт с советскими представителями; им также предлагалось на выбор остаться по месту проживания, либо отъехать в Америку или Европу с оплатой проезда из посольских средств. Никто из российских консулов не перешел на службу новой власти, все сохранили тем самым лояльность прежнему режиму.

Оставалась еще задача окончательно решить вопрос со статусом русских эмигрантов в Японии, так как существовала опасность проведения в будущем их насильственной репатриации в СССР. В результате переговоров с сотрудниками японского МИДа Д.И. Абрикосов получил обещание, что статус русских «несоветских» эмигрантов будет определен как «лиц без гражданства», что в итоге позволит им находиться на территории страны, поскольку они будут воздерживаться от всех видов политической деятельности, пропаганды идей Белого движения. На заключительной встрече Абрикосова с министром бароном К. Сидэхара 15 февраля 1925 г. глава японского МИДа еще раз заверил его в намерении оградить беженцев от преследований, подчеркнув в качестве главного условия пребывания в Японии их полный отказ от антибольшевистской деятельности. Самому же Абрикосову было разрешено оставаться в Японии на аналогичных условиях в качестве частного лица. Вечером того же дня он официально покинул посольство, поставив тем самым точку в семилетней истории «посольства без правительства», одного из последних действовавших учреждений императорской России. История царской дипломатии на Дальнем Востоке завершилась, начиналась новая эпоха.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Балакшин П.П. Финал в Китае. Сириус, Сан-Франциско, Т.1—2. Виленский Вл. (Сибиряков). Япония. М.; Л., 1923.
- Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991.
- Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. Томск, 1965.
- Курата Юка. Российская эмиграция в Японии между двумя мировыми войнами: динамика, численность и состав. Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 1996. Т.14.
- Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988.

- Латышев И. Как Япония похитила российское золото. М., 1996.
- Маринов В.А. Россия и Япония перед первой мировой войной (1905—1914 гг.). М., 1974.
- Натаров В. Золотой след // Лит.газета. 1995, 24 мая.
- Наумов В.М. Мои воспоминания. Сан-Франциско, 1975.
- Новаковский С.И. Япония и Россия. Токио, 1918 ю.
- Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток, 1994.
- Позднеев Д. Япония: Страна, население, история, политика. М., 1925.
- Подалко П.Э. Д.И. Абрикосов: Штрихи к портрету // Известия Восточного института. Владивосток, 1998.
- Подалко П.Э. Кобе и русские — исследование по истории русской эмиграции в районе Кансай. Осака, 1998. С.17—28.
- Подалко П.Э. Опыт жизни в Японии русского эмигранта Ф.Д. Морозова. Осака, 1998. С.115—127. Яп. Яз.
- Подалко П.Э. Предпринимательская деятельность русских эмигрантов в Японии в 1920—30-х гг. Осака, 1998. С.17—28.
- Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920—1945). Сб. документов. Южно-Сахалинск, 1994.
- Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., ЦСУ, 1925.
- Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991.
- Стефан Дж. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. М., 1992.
- Страница из истории русской дипломатии — русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 году: Дневник И.Я. Коростовец, секретаря графа Витте. Пекин, 1925.
- Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981.
- Abrikossov D. I. Memoirs. Part 1,2.
- Deacon, Richard. Kempeitai: A History of the Japanese Secret Service. N.Y., 1985.
- Lensen, George A. Revellations of a Russian Diplomat. Seattle, 1964.
- Lensen, George A. Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia (1858—1968). Tokyo, 1968.
- Reports of the Russian Diplomatic Representatives in Japan on the Situation in the Aforsaid Countries. Information About Russia Gathered in Japan From Ja.15th 1924 to Nov.17th 1926. — Mr.Michel de Griens' Archives, Hoover Institution, Stanford. USA (unpublished)
- Vaughn Miles W. Under the Japanese Mask. London, 1937.
- Williams, Harold s. The First Hundred Years of Kobe Regatta and Athletic Club. 1970.
- Асахи Симбун 14.3.1990
- Кавамата Кадзухидэ. Тайсио 15-нэн сэй-Валентайн. PHP кэнкюсио, 1984.
- Куросава Цугуо. Хаккэй росиадзин. Токио, 1943.
- Наймусио кэйхокиокухэн. Гайдзи кэйсацу гайкио. Рюкэйсиоса, 1980.
- Этюды по исследованию России. Добункан, 1916. Яп. яз.

SUMMARY. In this article the author, Petr E. Podalko, contributes to a relatively unexplored topic concerning the history of Russia in the 20th Century: the activities of the Russian Diplomatic missions in foreign countries after the October Revolution of 1917. Based on rare unpublished materials, this article gives a fresh interpretation of the independent role of Russian diplomats and their activity in Japan and its colonies in the Post-Revolutionary years. The “Old” Russian Embassy in Tokyo was among the last functioning institutions of Czarist Russia, and managed to continue performing its professional duties through seven stormy years which included the Civil War and Foreign Military Intervention in Siberia and the Far East. In this research, special attention is paid to such subjects as the contribution from the Embassy to the anti-Bolshevist struggle in Siberia, its support of the Russian refugees in China, Korea and Japan, and its attempts to press the Japanese government to solve the problem of providing legal status for so-called “White Russians” who stay in Japan after the restoration of Russo-Japanese relations in 1925. The author also explores the circumstances of “The Great Kanto Earthquake” (Sept.1, 1923), and its influence in changing the fate of Russian emigres in the Far East.